

Первая четверть

28 августа.

Первое родительское собрание

Позвонили два дня назад.

— Алле?

— Это квартира Т.?.

— Да.

— Это родительница. Собрание в школе в четыре. Явка обязательна.

Пришла на десять минут раньше, но в классе уже сидели мамы и один папа.

Первую парту — напротив учительского стола — заняли две женщины, судя по всему, подруги. Обе лихорадочно писали в блокнотах. Было понятно, что именно они станут активистками еще не созданного родительского комитета. Следующую парту у окна заняла мама в очках. Строгая, костюмная, с туго натянутой спиной. Она выключила

Маша Трауб

мобильный телефон, выложила на парту тетрадку, ручку, подровняла, чтобы они располагались четко перпендикулярно, сложила руки лесенкой и стала смотреть на доску. На доске ничего интересного не было. И неинтересного тоже не было. Но женщина не отрывала взгляда от пустой доски.

Единственный мужчина сидел на задней парте. Я села в середине и чувствовала себя некомфортно. Я-то всегда сидела на галерке — с хулиганами и двоечниками. И даже не мечтала, что меня когда-нибудь пересадят хотя бы в середину. У нас эти места занимали «вставшие на путь исправления» обитатели задних парт. Я крутилась, никак не могла усесться, роняла ручку, телефон, на всякий случай улыбалась родительницам с первой парты, оглядывалась на мужчину. Но ради сына, Василия, решила терпеть. А вдруг решат, что он — сын двоечницы и хулиганки? Пока все собирались, наша первая учительница — Светлана Александровна — ковыляла по классу. Она сломала ногу перед самым началом учебного года. Самое обидное, что сломала на пороге родной школы, на лестнице. К гипсу была приделана квадратная дощечка — для опоры. Как у японских гейш на

Дневник мамы первоклассника

вьетнамках. Я сидела и думала — странно, что никто не изобрел удобную дощечку для гипса. А еще о том, что в жизни все повторяется. И первая учительница, и родительская паника, и даже гипс.

Только вчера муж рассказывал, что у его первой учительницы была сломана рука — она ходила с такой страшной треугольной распоркой. Ее боялись все ученики. А некоторые, мой муж, например, не верили, что эта перемотанная мумия с деревяшками под мышками, которая разворачивается всем телом, может быть учительницей. Эту несчастную женщину к тому же звали неудачно — Инна Яновна. Немыслимое для первоклашки сочетание букв. Муж говорил, что все звали ее Инянна, а иногда Янинна. И никто точно не помнил, как правильно, потому что учительница отзывалась на оба имени. Распорку не снимали долго, и через некоторое время, по воспоминаниям мужа, все дети дружно втягивали головы в плечи, стоило Инянне показаться на горизонте. Что неудивительно — все по очереди получили этой конструкцией по голове, пока не научились уворачиваться. Муж, кстати, до сих пор уверен в том, что есть люди, точнее, женщины, у которых глаза

Маша Трауб

на затылке. Их Инянна, не поворачиваясь, знала, кто болтает, кто списывает, кто в окно смотрит.

А моя первая учительница с красивым именем Роза шамкала из-за отсутствия зубов. Ей не успели вставить к 1 сентября новую челюсть. Мы ее тоже боялись, потому что не понимали, что она говорит. Вообще не понимали, чего она хочет.

— Шдраст, шежи, меня шовут Шожа Ивашовна, — говорила моя учительница. — Повштожите.

Мы сидели и молчали. Тогда Роза Ивановна написала на доске свое имя, но в те годы первоклассники в лучшем случае должны были знать буквы, а читать умели только гении. Новые зубы Роза Ивановна получила к концу первой четверти. Но протез ей, судя по всему, мешал, и с дикцией учительницы перемен не произошло. Как шамкала, так и шамкала, только немного по-другому. Главное, мы ее понимали.

Так вот, Васина первая учительница Светлана Александровна проковыляла к шкафу достать какие-то рулоны. Мешал шкаф.

— Папа, можно вас? Помогите отодвинуть, — попросила учительница единственного мужчину в классе.

Дневник мамы первоклассника

Вышедший папа тоже, видимо, осуществил несбыточную мечту, сев на заднюю парту. Ни на хулигана, ни на прогульщика, ни на двоечника он никак не тянул. Такой сублильный сутулый интеллигентный юноша — мечта физрука. Я представила, как этот папа, когда был мальчиком, болтался на перекладине и пытался сделать подъем с переворотом, а физрук его называл «глистой» или «сосиской», и все дружно ржали.

В общем, я пожалела, что не села к этому папе на заднюю парту для моральной поддержки. Представляете, каково это — на глазах двадцати баб пытаться сдвинуть шкаф? Женщины, поджав губы, смотрели, папа потел, шкаф не двигался.

— Ладно, — выкарабкалась из-за парты женщина в бейсболке со стразами и мощной грудью, тоже усыпанной стразами. — Вы тут про ремонт будете говорить и про деньги. Могу дать пять тыщ. — Родительница клацнула кошельком со стразами. — Муж у меня — сантехник, — продолжала она, — он вам тут и батареи, и раковины поменяет. Все, я пошла. Звоните.

Счастливая жена сантехника, которой тут же заулыбались активистки родительского коми-

Маша Трауб

тета, подошла к шкафу, легонько толкнула плечом — шкаф сдвинулся. Опозоренный папа под взглядами сорока женских глаз понуро вернулся на свою заднюю парту и затих.

— Спасибо, — сказала ему Светлана Александровна.

— Не за что, — честно ответил папа.

Наконец собрание решили начать. Светлана Александровна поздравила нас с нашими детьми-первоклассниками и выразила надежду, что мы станем одной большой семьей. На этом торжественная часть закончилась, и все стали задавать насущные вопросы: сколько тетрадей сдавать, во сколько приводить, во сколько забирать...

— А можно в джинсах ходить? — спросила я, когда разговор перешел на школьную форму.

Вообще-то нужно было заказать школьную форму. Но я про это забыла. Скорее, забыла сознательно, потому что представить своего сына в пиджаке с огромными накладными плечами не могла, как ни старалась. Опять же из опыта я знала, что форменные брюки продержатся максимум два дня. А джинсы меня еще никогда не подвели.

Дневник мамы первоклассника

— Да вы что? — возмутилась строгая родительница со второй парты. — Какие джинсы? Ясно же всем сказали — форма обязательна. Вот моя дочка, — обвела она взглядом родительниц, — только в белых блузках ходит. Даже на прогулку. Ей очень идет. А можно в парадной форме каждый день ходить? — спросила она учительницу.

— Можно. Но, поверьте моему опыту, вам это быстро надоест, — ответила Светлана Александровна.

— А почему здесь стены такие зеленые? — спросила тихая испуганная женщина с первой парты у стены.

— Замечательный вопрос! — воскликнула одна из активисток. — Я предлагаю перекрасить в персиковый. Кто за персик?

Все подняли руки.

— По сколько сдавать? — обреченно спросила испуганная женщина.

— Ну, давайте по пять тысяч... Считайте сами — ремонт, туалетная бумага, карандаши семьдесят штук, цветы в горшках...

— А если мы уже сделали ремонт, нам все равно сдавать? — уточнила женщина.

Маша Трауб

— Где? — удивилась активистка и посмотрела по сторонам.

— Понимаете, мой муж подошел к завхозу и спросил, где делать ремонт. У него, у мужа, бригада и машина. Вот в соседнем классе сделали. Мы же не знали, что в этом нужно. Сказали, что в том надо, — тихо ответила родительница.

— А инициатива всегда наказуема, — сказала активистка. — Товарищи родители, подумайте, кто еще чем может помочь?

Все дружно вжали головы в плечи и стали рассматривать собственные блокноты, ручки и телефоны.

— Так, — обвела взглядом класс активистка, — мы сейчас пустим по классу листочек, где каждый напишет, кто как будет помогать.

Я вспомнила свою знакомую Юлю, которая тоже была мамой первоклассника. В пущенном по классу листочке она написала: «Могу помочь материально. Только немного. Мне еще за квартиру платить».

— Нужны бейджики, — сказала Светлана Александровна, — с именами детей. Пока я не запомню. Фамилии писать не обязательно. И нашейте

Дневник мамы первоклассника

метки на одежду или подпишите — теряют. Да, купите своим детям обувь на липучках. Чтобы мы не мучились со шнурками. Ведь не умеют завязывать.

— А все подписывать? — спросила еще одна мама.

— Все, что только можно. Все равно потеряют. Даже портфели теряют, — сказала Светлана Александровна. — Обязательно подпишите мешки со сменкой. Сами покупаете одинаковые, а дети потом мучаются.

— А что должно быть в портфеле? — спросила меня шепотом мама, которая сидела справа.

— Я прослушала, — тихо ответила я.

— Спросите у соседки, — шепнула мама.

— А что должно быть в портфеле? — спросила я у родительницы слева.

— Четыре тетради, ручки, карандаши, — прошептала соседка.

— Пеналы должны быть мягкие, — говорила учительница, — чтобы не громыхали. Я понимаю, они красивые, но меня тоже поймите: когда двадцать пять человек трясут пеналами, хоть в окно выпрыгивай. И еще, поднимите руки,

Маша Трауб

у кого неполные семьи. Надо для социальной помощи.

Все переглянулись. Руку подняла только одна родительница. Как раньше все буравили взглядом сублильного папу, так сейчас все уставились на мать-одиночку. Женщина наверняка хотела залезть под парту или выйти из класса, крикнув: «Вы все идиоты» — и громко хлопнув дверью. Я, во всяком случае, именно так и делала на уроке математики, когда математичка стояла надо мной и говорила: «Ей что икс, что игрек, одинаково равно. Как же ты жить будешь? Что из тебя выйдет? Икс из тебя выйдет». Только в старших классах я узнала, что именно математичка — страстная и виртуозная матерщинница — подразумевала под иксом.

— Ну, вы можете меньше денег сдать, — нарушила молчание активистка.

— Я хорошо зарабатываю, — ответила мать-одиночка, и все опять посмотрели на нее уже с завистью. Молодая, красивая, хорошо зарабатывающая свободная женщина...

— А что будет дальше? — спросила еще одна родительница. — Когда каникулы? Будут ли экзамены? А оценки будут ставить?

Дневник мамы первоклассника

— Давайте по мере поступления, — тяжело выдохнула Светлана Александровна. — Мне бы до седьмого сентября дотянуть — гипс снимают. В этот день разрешаю не приходиться в школу. А с двадцать третьего у меня реабилитация — грязи, массаж. Будет замена. Не волнуйтесь, учительница хорошая. План я ей напишу. Но все-таки контролируйте.

— Как именно контролировать? — спросила активистка и приготовилась записывать.

— Ну, спрашивайте у детей, все ли в порядке, — сказала учительница. Активистка, как мне показалось, даже расстроилась.

Когда учительнице моего мужа снимали растяжку, они тоже не учились. И когда моей учительнице вставляли зубы, мы гуляли. Нам все завидовали, а мы рвались в школу. Мужа оставляли с соседской бабушкой, которая заставляла его держать нитки на руках, пока она сматывала клубок. И нельзя было руки опускать, потому что бабуля хватала свою палку с резиновым набалдашником и больно била мужа по ляжке. Меня тоже оставляли с соседкой. Медсестрой, которая на дому прокалывала уши. Анастезией служило то,

Маша Трауб

•

что приносили клиентки, — коньяк, молдавское вино, портвейн, стерилизатором — спирт медицинский, а инструментом — игла из швейной машинки «Зингер». Муж до сих пор старается держаться подальше от умеющих вязать женщин. А я хорошо помню вечно пьяную соседку и женщин с заклеенными пластырем ушами.

1 сентября.

Первый раз в первый класс

Школа рядом. Я засекала — идти ровно две минуты. В восемь пятнадцать нужно было стоять в школьном дворе под табличкой «1 А». Муж разбудил меня в семь. Сам встал в половине седьмого.

— Почему так рано? — спросила я.

— Пока умоемся, пока позавтракаем. Вставай.

— А может, ты его отведешь, а я попозже приду?

— Ты что? Как ты можешь такое говорить?

У нас сын в первый класс идет!

— Все равно все опоздают, — бубнила я, выползая из кровати.

Дневник мамы первоклассника

— Вася, вставай, ты же не хочешь опоздать в школу? — пошел будить сына муж.

— Хочу, а можно? — спросил Вася, закрываясь с головой одеялом.

— Нельзя. Ты же в первый класс идешь! — воскликнул муж.

— А завтра в первый класс можно? — сделал еще одну попытку сын.

— Нет, сегодня же праздник! — как-то с надрывом воскликнул муж.

Вася встал и сонно поковылял до окна. Шел дождь, было пасмурно.

— Там еще никто не идет, — сказал Вася, — разбуди меня, когда там дети пойдут. — Сын бухнулся опять в кровать.

— Все дети давно встали, умываются, одеваются, завтракают... — выступал муж с пламенной речью, — потом они нарядные пойдут в школу! Ты запомнишь этот день на всю жизнь! Такое только раз в жизни бывает!

— Ты что, нервничаешь? — спросила я ласково мужа.

— Я? Нет! Я не нервничаю!!! — заорал муж.

— А мультики? — уточнил Вася.

Маша Трауб

— Какие мультики? Иди принимай душ, — строго сказал отец и достал из шкафа еще одну рубашку. Три штуки уже висели на стуле, но он, видимо от волнения, забывал, что их достал.

— Можешь просто умыться и зубы почистить, — сказала я сыну.

— Вот, начинается! — Муж грозно ткнул в меня пальцем. — И это только первое сентября. А что дальше будет? Он будет выходить в последний момент, неумытый, кое-как одетый! В душ, Вася. В душ!

Сын хотел спать, поэтому не стал спорить.

В ванной он включил воду, прислонился к бортику и заснул с зубной щеткой во рту.

— Вася, мы же опоздаем! — ворвался в ванную муж.

— Куда? — испуганно спросил ребенок.

— В школу. — Муж очумело смотрел на сына. — Так, вылезай, надевай домашнюю одежду.

— Можешь просто майку и трусики пока надеть, — сказала я сыну.

— Почему? — возмутился муж. — Он что, будет в трусах завтракать?

— Нет, давай он будет пять раз переодеваться

Дневник мамы первоклассника

в полвосьмого утра, — сказала я, надеясь достучаться до здравого рассудка мужа.

— А в чем он пойдет в школу? — спросил меня муж.

— В штанах, рубашке и куртке, — я начинала злиться, — там все давно приготовлено. Еще с вечера, как ты любишь.

— А что ты сердишься? Я просто спросил.

Сели завтракать. Я даже нашла мультики по телевизору. Муж закатывал глаза, заламывал руки.

— Это не дело, нельзя перед школой смотреть мультфильмы, мы так никогда не выйдем, — прокомментировал он. — Ладно, сегодня можно.

— Ты же сам наверняка завтракал под что-то, — сказала я заполошному мужу.

— Я завтракал под «Пионерскую зорьку»! Под радио, а не под телевизор!

— А я завтракала под Пугачеву на пластинке... — вспомнила я.

— А зорька и Пугачева — это кто? — спросил сын. — А пластинка — это что? А пионерская — это какая?

— Вася, доедай, я тебе потом все объясню, — сказала я.

Маша Трауб

— Нет, все-таки под телевизор нельзя, — стоял на своем муж.

— Хорошо, давай ему «Эхо Москвы» включим или диск с классической музыкой поставим, тогда он точно до школы не дойдет — уснет за столом...

— Я же о другом говорю... Я же не против... просто мультики можно и в другое время посмотреть!

— Отлично. Давай ребенок будет завтракать под «Европьюс»!

Вася, пока мы препирались, уснул.

— Вася, ты помнишь, в каком классе ты будешь учиться? — разбудил его вопросом муж.

— В первом «А», — устало ответил ребенок. Этот вопрос муж задавал ему каждый день, думая, что если сын пойдет в другой класс или забудет букву, то случится что-то страшное. — А когда я буду учиться в первом «Б»? — спросил Вася.

— Никогда. Всегда будешь учиться в первом «А», — сурово сказал муж.

Вася зарыдал. Я бросила тушь, которой пыталась накрасить ресницы, чтобы не попасть спроне в глаз, и побежала выяснять, что случилось.

Дневник мамы первоклассника

Ребенок рыдал и кричал, что он не хочет всю жизнь учиться в первом «А». Муж скакал вокруг сына и говорил, что он не то имел в виду, не так выразился.

— А мама мне рассказывала, что она и в «А» училась, и в «Б», и даже в «Д» классе, — всхлипывал Василий, — а бабушка сказала, что моя мама вообще потом не училась, а валялась с книжкой и даже завтракала в постели. И в школу ходила два раза в неделю. И что все равно она самая умная была.

— Маша, — подошел ко мне муж, — скажи нашей бабушке, чтобы она не рассказывала внуку про... про...

— Про что?

— Про все! Ему еще рано это знать!

Я успокоила Васю, пообещав ему все буквы на свете.

— Вася, а как зовут твою первую учительницу, помнишь? — опять пристал к сыну муж.

— Помню, — ответил Вася и задумался.

— Ну?

— Александра Светлановна.

— Может, все-таки Светлана Александровна?

Маша Трауб

— Может быть, — легко согласился Вася.

— Маша, а им покажут, где там туалет? — обратился муж ко мне.

— А как ты думаешь?

— А у них там будут шкафчики для одежды?

— Нет, крючки будут.

— А почему не шкафчики?

— Слушай, отстань, а?

— А они будут руки перед завтраками мыть? А на переменах за ними будут следить? А у них есть дежурный врач на случай, если Вася упадет или ударится?

И тут до меня дошло — муж просто боится идти в школу. Он нервничает, поэтому орет все утро. Мне его даже жалко стало. С другой стороны, я тоже нервничаю, но не ору же.

— Пожалуйста, успокойся, — попросила я мужа, — ничего страшного, быстро сходим, вернемся. Я буду тебя за руку держать, чтобы ты не боялся.

Я помогла сыну одеться — белая наглаженная рубашечка, брюки, новые ботинки.

— Маша, посмотри, у него же все лицо в шоколадном йогурте, — сказал муж, — надо умыться.

Дневник мамы первоклассника

Вася двумя привычными движениями — белыми рукавами рубашки — стер остатки йогурта.

— Вася! — в панике заорал муж.

— Ничего, все равно в куртке, не видно, — махнула рукой я.

— Как это не видно? Вы что, совсем уже? — Муж чуть в обморок не свалился. — Надо переодеваться. Срочно. У нас есть запасная белая рубашка? Почему у нас нет запасной белой рубашки?

Я тем временем уже успела переодеть сына в чистую рубашку. Мы стояли в прихожей. Вася держал белые хризантемы.

— Пойдем, пойдем, — торопил сын.

— Сейчас. Я еще не готов, — отвечал муж, который встал раньше всех и собирался тоже дольше всех. Он один раз снял ботинки и пошел за мобильным телефоном в комнату, потом ходил за ключами, потом за носовым платком...

— Не волнуйся ты так, — сказала я.

— А я и не волнуюсь! — заорал муж.

Во дворе школы толпились дети с родителями. Собирались, как я и думала, минут сорок. Детей построили по парам и сказали, что сейчас

Маша Трауб

пойдем. Через десять минут еще раз построили. И еще через десять минут.

— Мама, — закричал мальчик, — у меня букет тяжелый! Можно я его уже отдам учительнице?

— Нельзя, — сказала мама.

— Вот же учительница. Пусть возьмет и сама держит. А то я больше не могу, — возмущился мальчик.

— Рано, — ответила мама.

— Посмотрите, у меня глаз нормальный? — обратилась ко мне другая родительница.

— Да, все в порядке, — ответила я.

— А то букетом в глаз попали, — пояснила она. — Ой, смотрите, девочка в гольфиках. У нее же ноги синие и в пупырышках. Мамаша с ума, что ли, сошла? Я на своего колготки надела. Холодно же.

А дети тем временем не могли оторвать взгляда от гипса учительницы. Из гипса торчали посиневшие от холода пальцы с красным педикюром.

— Сколько еще здесь стоять? — спросил мальчик у всех взрослых сразу. Он держал за руку девочку, которая сладко спала стоя. Ровненько сто-

Дневник мамы первоклассника

яла и спала, прижавшись щекой к букету. Глядя на нее, я тоже начала позевывать. — Я не хочу стоять, я хочу уже в класс, почему мы не идем? — возмутился мальчик.

— Видишь, все стоят, никто не ноет, — попыталась подбодрить его мама.

— Ну и что? А я буду ныть. Я посидеть хочу.

— Перестань себя так вести.

— Не перестану. Все, я пошел сам. — Ребенок отцепился от спящей девочки. Та открыла глаза, поморгала и опять заснула.

— Ладно, — сдалась мама мальчика, — потерпи еще немного, а потом мы пойдем в детский магазин купить тебе подарок. Договорились?

— Большой? — уточнил мальчик.

— Средний.

— Я тоже хочу подарок, — сказал Вася.

— И я хочу, — проснулась девочка.

— И я, и я, — пронеслось по шеренге.

— Будет, все будет, — дружно зашипели мы, мамы.

— А подарки каждый день после школы будут? — уточнил тот мальчик.

— Нет, не каждый, — сказала мама.

Маша Трауб

— А почему?

— Потому что подарки дарятся только по праздникам.

— А когда следующий праздник?

— Когда ты школу закончишь, — ответила мама и, подумав, добавила: — На одни пятерки и четверки.

Дети этот диалог слушали внимательно.

— А сколько еще учиться? — спросил Вася у мамы мальчика.

— Долго. Одиннадцать лет, — ответила мама.

Мы сделали большие глаза, потому что дети глубоко задумались, и неизвестно, чем это могло закончиться. Нам уже надоело выстраивать их по парам.

— Когда вы закончите первый класс, мы вам тоже сделаем подарки, — сказала другая родительница, предотвратив нытье и скандал.

— Надо было бабушку с дедушкой позвать, — сказала я мужу, — все с родственниками.

Там действительно была одна девочка из другого класса, вокруг которой толпилось человек пятнадцать. И всем находилось дело — они вытирали ей рот, поправляли бантики, забирали и от-

Дневник мамы первоклассника

давали букет, фотографировались по отдельности и все сразу.

— Не надо бабушку, — сказал муж, — она бы... я даже боюсь подумать, что бы она сделала.

— Что?

— Как минимум напоила бы всех родительниц шампанским, накормила бы детей беляшами или пирожками, устроила бы танцы и вышла замуж за завхоза. И это только навскидку, — перечислил муж, — а потом они бы все пошли к нам пить кофе с коньяком.

— Выпить бы сейчас, — сказала родительница.

— И закусить. Я позавтракать не успела, — ответила ей другая мама.

— Еще на работу ехать, — понуро заметила первая.

Наконец пошли. Линейка прошла мирно и быстро — накрапывал дождь. Выпустили белых голубей, которых дети не заметили. Все мамы спрашивали: «Голубей видели?» Дети говорили, что никаких голубей не было. Зато все заметили, как в окне застряли воздушные шарик. Там их выпускали из двух открытых окон. Одна учительница выпустила, а у другой шарик никак не улетали.

Маша Трауб

Она их и так выпихивала, и сяк. Дети не хотели, чтобы шарики улетали в небо, поэтому расстроились. А сонная девочка даже расплакалась.

Пронесли девочек с колокольчиками. Один мальчик-выпускник пробежал дистанцию почти бегом — ему досталась крупненькая первоклассница. Она изо всех сил трясла колокольчиком, подпрыгивая на плече длинного и тощего юноши.

Линейку быстро свернули — все замерзли. Потом первоклассников разобрали одиннадцатиклассники и повели назад в школу. Я фотографировала, поэтому услышала, как девочка-выпускница говорит Васе:

— Давай ручку, бедненький... Ты еще не знаешь, что тебя ждет.

— А ты меня будешь ждать? — спросил Вася.

— Нет, не буду, — сказала она.

— Жаль. Я бы тебе свою комнату показал, — сказал Вася.

Детей увели в класс. Мы ждали во дворе.

— Он в туалет, интересно, не хочет? — спросил муж.

— Не знаю, — ответила я.

Дневник мамы первоклассника

— А он запомнит этот день? — Муж уже расслабился и был настроен лирически.

— А ты помнишь?

— Помню, что мой друг Мишка был в белом берете. И мы бежали быстрее всех, чтобы занять первую парту, а нас все равно рассадили. Больше ничего не помню.

— Вася, ты с кем сидел, с мальчиком или с девочкой? — спросила я, когда сын вышел из школы.

— Не помню, — ответил Вася. — Пошли в магазин за подарком?

3 сентября. Первый полноценный учебный день

Встали относительно легко. Относительно — это про меня. Никогда не хотела быть учительницей в школе. Даже в первом классе не хотела. Хорошо, что муж согласился отводить Васю. Ему то хорошо — не нужно рисовать глаза, чтобы они хотя бы выглядели открытыми. И круги под глазами не надо замазывать.

Маша Трауб

— Надо было вчера лечь пораньше, — сказал муж, когда я жарила ребенку яичницу. Яйцо разбила мимо сковородки и обожглась.

— Надо было, — сказала я.

В двенадцать ночи я вспомнила, что родители должны были подписать тетради. Не просто подписать, а красиво. Я, конечно, забыла.

— Подпиши тетради, — попросила я мужа, — у тебя почерк красивый.

— Сама подписывай.

Мне понравилось подписывать. Это такой ажиотаж начала года — сначала красиво, высунув от старания язык, заполняешь дневник, а потом забрасываешь его куда подальше. А еще я помню, как учебники оборачивали в бумагу — раскладываешь лист, сгибаешь, разглаживаешь, переворачиваешь. И сверху, по голубому листику-трафарету пишешь, какой учебник. Давно забытый навык. Кстати, мне он очень в жизни пригодился — я, например, очень хорошо подарки упаковываю. Да, в двенадцать ночи воспоминания нахлынули — про прозрачные обложки-пленки для тетрадей, про пеналы на магнитах, про первые дипломаты вместо портфелей. Но это уже в старших классах.

Дневник мамы первоклассника

У нас не только мальчишки, но и девочки с дипломатами форсили...

Так вот, я заодно подписала мешок для сменки и куртку. Еще я хотела подписать сменные ботинки, но впала в ступор — оба подписывать или только один?

Утром муж отвел сына в школу. Вернулся.

— Ну как? — спросила я.

— Нормально. Только я назвал учительницу Александра Светлановна.

— Как это?

— Да прицепилось. От Васи. Так и сказал: «Здравствуйте, Александра Светлановна». Может, она не услышала?

Я должна была забрать. Рано, в 11 утра. Начала собираться в десять. Пришла на полчаса раньше.

Во дворе по классам толпились родители.

Какой-то папа закурил.

— Что ж вы тут курите? — накинулась на него чья-то бабушка. — Здесь же школа, а не бордель!

Папа затушил сигарету и долго держал в руках бычок, не зная, куда его деть — урн не было.

Некоторые родительницы что-то живо обсуждали. Очень хотелось подойти — послушать. Но

Маша Трауб

это как в школе — страшно подойти к незнакомой компании. Я все-таки вспомнила, что взрослая, и подошла. Мамаши тут же замолчали и уставились на меня. Ну точно, как в школе.

— А у вас зажигалки нет? — спросила я первое, что пришло в голову. Надо было спросить про то, когда детей будут выпускать, или сказать что-то про погоду.

— Мы не курим, — сказала за всех одна мама.

Я отошла и встала рядом с папой, который по-прежнему держал в руке бычок.

Детей наконец вывели.

— Товарищи родители, давайте отойдем в сторону, — громко сказала учительница, легко перекрыв гул толпы.

Мы послушно засеменили за Светланой Александровной.

— Ну как они? Как мой? Нормально? — спрашивали наперебой все.

— Так, родители, успокойтесь, — опять перекричала всех Светлана Александровна, — вы слушаете, как ваши дети! Я не знаю, чем вы слушаете! У половины класса не было цветных карандашей в пенале! Почему вы не собрали пеналы? А у Васи, —

Дневник мамы первоклассника

Светлана Александровна посмотрела на меня и все остальные тоже посмотрели, — не было ручки!

Я подумала, что сейчас рухнет мир. Как минимум. Страшно было до жути.

— Они их едят, что ли? — продолжала тем временем Светлана Александровна. — Пять минут прошу потратить на проверку пенала. Всего пять минут. Больше ничего не прошу.

— Была ручка, даже две, — сказала я обиженно, потому что лично запихивала ему две ручки в пенал.

— Не было, — категорично заявила учительница, — я ему свою давала. И он не сидит. Надо с этим что-то делать. Не так много прошу..

— А мой как? — спросила другая мама.

— И ваш не сидит, — ответила Светлана Александровна, — и ваш тоже, — сказала она бабушке, которая успела только рот открыть. — Так, запоминайте домашнее задание. Страница шесть в прописях. Страница два — в математике.

— Ой, а повторите, пожалуйста, — попросила бабушка, — я прослушала.

— Товарищи родители, повторяю в последний раз. Больше повторять не буду. Страница шесть,

Маша Трауб

страница два. — Светлана Александровна взяла на полтона выше. — Кстати, Вася сделал сразу три урока. А надо было один. Только мишку раскрасить. А он все прописи прописал. Мы с ним поговорили, но вы тоже обратите внимание, — сказала мне она.

Я кивнула, так и не поняв, почему можно было раскрасить только мишку и на что нужно обратить внимание.

— И без опозданий, — велела нам учительница, — приходите нужно к первому звонку, а не ко второму.

Потом ее отвлек папа, который уточнял, каким конкретно должно быть содержимое пенала.

— Дима, Дима! — позвала мама из нашего класса.

— Антон, Антон, — звала бабушка.

Дима, Антон и Вася нашлись на дереве.

— Кто разрешил лезть на дерево? — увидела их Светлана Александровна.

— Это Вася первый начал, — тут же сдали его друзья.

Ситуация была спорная. Вася стоял под деревом, а Дима с Антоном висели на ветках. Так что доказательств не было.

Дневник мамы первоклассника

— До свидания, спасибо, — быстро сказала я Светлане Александровне, чтобы еще чего-нибудь не услышать. Дима с Антоном попадали с веток и спрятались за спинами взрослых.

— Так, родители, задержитесь еще на минутку, — сказала учительница. Все застыли. — Если у кого из детей недержание, скажите мне сейчас. Потому что сегодня один попросился, и половина класса бегала в туалет. Отпускать с урока не буду, только на переменах. Отпущу только с недержанием. Поднимите руки, у кого недержание.

Я хотела поднять руку — у меня уже точно недержание начиналось. Да и Вася начал выразительно притопывать.

— Пойдем, — сказала я Васе, и мы быстренько слиняли. — Ну как тебе? — спросила я по дороге.

— Завтрак понравился. Булочка с чаем и банан. Чай вкусный. Ты такой не умеешь делать.

Я тоже любила школьный чай — жидкий и сладкий, из огромной эмалированной кастрюли, который наливали суповым половником. А на кастрюле было написано красной краской: «Чай».

Маша Трауб

- А в туалет ты ходил? — спросила я.
- Нет.
- Не хотел?
- Хотел. Но когда захотел, учительница сказала, что хватит ходить туда-сюда.
- Ладно, побежали.
- А правда, что папа мне утром сказал?
- А что папа сказал?
- Что я буду учиться одиннадцать лет и это больше тысячи дней?
- Правда.
- А папа всегда правду говорит?
- Да.
- А ты не всегда. Лучше бы ты меня утром отвела.
- Почему?
- Ну, ты бы сказала, что нужно учиться пять дней. Чтобы меня не расстраивать.
- Пришли домой. Переоделись.
- Вася, сделай сейчас домашнее задание. А то тебе еще на тренировку идти.
- Не буду.
- Будешь.
- Не буду.

Дневник мамы первоклассника

Полчаса мы орали эти вечные «буду — не буду». За пять минут раскрасили цыпленка-уродца и нарисовали кривые палочки.

— Все, — выдохнула я и швырнула ластик.

— Все, — швырнул тетрадь на пол Вася.

*4 сентября.
Пока учимся,
но уже не хочется*

Вставали тяжело. Я хоть и проснулась, но подняться не было сил.

— Может, перейдем на домашнее обучение? — спросила я мужа.

— Подъем! Подъем! Петушок пропел давно! Детки, в школу собирайтесь! — раздавался его бодрый крик из коридора. Он держал в руках музыкальную игрушку-петушка, который истошно кукарекал... Убила бы...

Собрались, ушли. Я их проводила, не приходя в сознание.

Пошла забирать... Вася скатился с лестницы, свалил на меня портфель с курткой и умчался

Маша Трауб

под дерево играть с мальчишками в «цзефа», аналог нашей «камень-ножницы-бумага».

— Первый «А», подойдите все сюда, — позвала нас, родителей, Светлана Александровна, — буду давать домашнее задание. Дашенька, дай мне свои тетрадочки, — попросила она у девочки. — Здесь нужно раскрасить, а здесь прописать, — высоко подняв тетради, говорила учительница.

Тетрадь была образцово-показательной. Рисунки аккуратно раскрашены, палочки ровненькие, кружочки один к одному. Дашина мама стояла гордая, как будто это она нарисовала и раскрасила. Васину тетрадь никогда бы не показали. Я успокаивала себя тем, что есть много достойных людей, которые не только пишут как курица лапой, но еще и с ошибками.

— А у Тома Круза вообще дисграфия. Или дислексия, я точно не помню, — сказала мне мама Васиного друга Димы. Видимо, она подумала о том же, о чем и я.

Васю с Димой, как самых высоких, посадили на задние парты. Неудивительно, что они подрались, сломали друг другу карандаши и поме-

Дневник мамы первоклассника

нялись тетрадами. О чем нам и сообщила Светлана Александровна. Мы с Диминой мамой кивали и говорили: «Они больше не будут». Димины мама сама виновата — нечего было спрашивать, как они себя вели и что делали.

Вася с Димой тем временем отломали от дерева по ветке и дрались, как на шпагах. Вася бился так, как играет в теннис. Делал замах и лупил смэш. А Дима дрался как мушкетер. Стоял в позиции и даже вскинул левую руку. Оба — мокрые, с торчащими из штанов рубашками. У Димы еще и галстук-бабочка съехал набок и висел, как бант у пуделя.

— Что ж вы делаете? — кинулась к ним какая-то бабушка.

— Это я виновата, — сказала девочка Настя.

С Настей Вася познакомился еще первого сентября. Сегодня они с Димой решили, что Настя — самая красивая.

Светлана Александровна отвлеклась на проблемы активности и неактивности других первоклассников, мы с Диминой мамой дружно сказали: «Пасиб, дсвиданья, Сланасанна» и прытко поскакали к воротам.

Маша Трауб

•

Вася, Дима, Настя и примкнувший к ним Антон висели на заборе. Упитанный Антон высоко не залез. Его бабушка тянула внука вниз за штанину и обещала «надавать по жопе», как только снимет с забора. Антон, понятное дело, слезать не хотел и дрыгал ногой, которую схватила бабушка. Бабушка отцепилась от штанины и надавала ему прямо на заборе, благо попа была рядом, прямо перед глазами.

— Вася, слезай, пойдем домой! — крикнула я.

— Дима, слезай, — сказала его мама.

Няня позвала Настю. А потом был жуткий скандал. Оказалось, что Диме и Насте — в одну сторону идти, а Васе — в другую. Получалось, что Дима провожает Настю.

— Вон, видишь, Настя за угол повернула. Она одна идет, — успокаивала я сына. — Расскажи, что в школе было.

— Нет, с ней Дима! — кричал Вася. — Я тоже хочу Настю провожать!

— Завтра пойдешь, сейчас мы ее уже не догоним, — пыталась договориться с сыном я.

— А Дима? — перестал кричать Василий.

— Что Дима? — не поняла я.

Дневник мамы первоклассника

— А если Дима тоже захочет?

— Тогда договоритесь и провожайте Настю по очереди. Чем кормили-то?

— Какавой и кашей. Я не ел, потому что каша была по вкусу как пюре из картошки. А каково мне понравилось. Бабушка мне такое дает. Мы с Димой поменялись — он мне какаво, а я ему кашу.

— Вася, не какаво, а какао, — поправила я.

— Какая разница? — не понял ребенок.

— А на уроках? Что делали?

— Не помню. Какаво помню, а на уроках не помню.

Домашнее задание опять делали с криками. Вася сказал, что он не будет писать и раскрашивать. Раскрашивают девочки, Настя, например, а они с Димой решили не раскрашивать. И если не написать пропись, то ничего не будет. Светлана Александровна не заметит. Антон не написал, и ему ничего не было.

— А зачем вы тетрадями поменялись? — спросила я, вспомнив рассказ учительницы.

— А какая разница? Там же все одинаковое. Только цыплят мы с Димой в разные цвета раскрасили. Я в синий, а он в зеленый.

Маша Трауб

— А где вы видели синих и зеленых цыплят? Они же желтые.

— Мне желтый цвет не нравится. И Диме, наверное, тоже.

— Надо сделать домашнее задание. Я не хочу, чтобы тебя Светлана Александровна ругала, — сказала я, когда мы пришли домой.

— Она не будет ругать. Она всем говорит «молодец».

— А ты руку поднимаешь на уроке?

— Нет.

— А почему?

— И так много кто поднимает. Учительнице есть из кого выбрать.

— Но ты же знаешь ответ?

— Знаю.

— Тогда тоже поднимай руку. Как же тогда учительница узнает, что ты знаешь?

— Мама, она же не глупая. Она же учительница. Она про первый класс все сама знает. Я поднимал руку, один раз, только она меня не спросила.

— Потому что вас много.

— Вот и я тебе говорю про это.

Дневник мамы первоклассника

— Так, хватит мне зубы заговаривать. Делай уроки.

— А может, потом?

— Потом будет суп с котом.

— С настоящим?

— Нет, сказка такая.

— А что такое сказка?

В общем, он своего добился. Я полезла в книжный шкаф, нашла книжки и долго рассказывала сыну, что такое пословица, поговорка и сказка. С примерами. Чем одно отличается от другого. Сын слушал и играл в рыцарей.

— Так, все, теперь уроки, — сказала я, когда окончила свою лекцию о народном творчестве.

— Я есть хочу, — жалобно проговорил Вася.

— Ладно, пойдём поедим. А потом за уроки.

Мы ели. Вася даже съел две ненавистные ему котлеты — так сильно ему не хотелось идти делать домашнее задание.

— Все? Наелся?

— А чай с тортиком?

— Вася, ты правда хочешь чай или ты время тянешь?

Маша Трауб

— Правда хочу. — Ребенок смотрел на меня такими голодными и искренними глазами, что я поверила.

— Что ты не пьешь?

— Горячий.

Я подбавила холодной воды.

— Пей.

— Теперь холодный.

Я поставила кружку в микроволновку.

— Несладкий.

— Добавь сахар.

— А лимона нет?

Когда я рылась в холодильнике в поисках лимона, до меня дошло, что я стала старой и легковерной.

Потом Вася решил убрать книги с пола и собрать своих рыцарей в коробку. Отмазка сработала. А потом у него иссякла фантазия и он, вздыхая, потягиваясь и подволакивая ногу, сел за стол. Еще минут десять ушло на копание в пенале, затачивание карандашей, открывание и закрывание ручки, игру в баскетбол из-под чупа-чупса. Он включал и выключал лампу, надувал воздушный шарик, смотрел в окно, ковырял в носу, разгля-

Дневник мамы первоклассника

дывал то, что наковырял. Потом ему на глаза попались ножницы, и он отстриг ими сначала лист цветной бумаги — по краю, как бахрому, а потом и край тетради по математике.

— Уроки! — призывала я. — Ты так каждый день будешь делать? Давно бы уже закончил.

Потом он написал мне записку, которую можно было читать только с армянским акцентом: «Нибуду нихачу хачу в рыцарев играт».

5 сентября.

Втянулись и влюбились

Организм перестроился. Проснулась в семь ноль пять. Сама. Без побудки. Даже испугалась — долго и с недоумением рассматривала циферблат, подозревая подвох.

Мне нельзя вставать так рано — у меня сосуды, обмороки и вообще.

— Ты сама проснулась? — удивился муж. Конечно же, уже чисто выбритый, принявший душ, одетый и позавтракавший.

— Сама удивляюсь, — сказала я.

Маша Трауб

— Ничего удивительного — ты вчера в половине одиннадцатого уснула. — Муж всегда находит логическое объяснение моим странным поступкам и не менее странным желаниям.

— Неправда, я книжку читала, — возразила я.

— А потом уснула. Вообще-то это миф, что я «жаворонок», — вдруг грустно сказал он, — я — «сова». Просто жизнь такая.

Позавтракали — Вася зависал над тарелкой с хлопьями, и его приходилось будить криками: «Вася, ешь!» Вася дергался, обводил мутными глазами комнату, вспоминая, где он и чего от него хотят. Оделись, отвели в школу.

Пошла забирать... Во дворе уже стояли наши родительницы. Оказалось, что нужно принести свой стаканчик для воды — не стеклянный. Бойлер и одноразовые стаканчики купили, но бойлер сломался, а стаканчики уже закончились. Активистки родительского комитета сказали, что проще ходить со своими. Лучше всего, сказали, купить те, которые для рисования — дешево, красиво (они разноцветные) и не быются. Желательно подписать, чтобы дети друг с другом не менялись.

Дневник мамы первоклассника

— Как их подписать? На них не пишется! — сказала одна мама.

— А вы помните, как раньше было? Наклейте полоску обычного лейкопластыря и напишите на нем, — подсказала бабушка.

Еще дали задание купить пачку бумаги формата А4 и принести из дома по игрушке, пока наши дети на переменах друг друга не поубивали. Родительницы решили устроить детям в рекреации игровой уголок.

— А какие игрушки? — спросила бабушка.

— Развивающие, — строго сказала активистка родительского комитета. — Никаких пистолетов.

— А домино можно? — уточнила бабушка.

— Какое домино? Вы еще скажите — карты... — возмутилась активистка. — Нужен палас. У кого есть ненужный палас? — обратилась она к нам.

— Не надо палас. Давайте купим ковролин, — предложила мама.

— Давайте. Кто купит ковролин? — спросила активистка.

Все устали в землю.

Маша Трауб

— Не надо ковролин, — сказала бабушка, — в нем одна пыль и бактерии. А тем деткам, у кого аллергия, вообще смерть.

— Точно, совершенно верно, не надо ковролин, — загалдели все дружно.

— А давайте стеллаж для игрушек купим? — предложила мама, которую озарило про ковролин.

— Давайте. Кто купит стеллаж? — спросила активистка.

— Вон там папа стоит, — сказал кто-то.

Папе, который явно пришел забирать ребенка не по доброй воле, не повезло. Его окружили женщины и наперебой рассказывали про пластиковый стаканчик, бумагу для принтера, палас и стеллаж. Папа поглядывал куда-то вдаль, понимая, что сбежать и вырваться из этого круга невозможно. Чем кончилось дело — не знаю. Настя отвлекла.

Дети меня вообще за человека не держат. Вне зависимости от возраста.

— Привет, — дернула меня за кофту Настя, — а Васю позови. Пожалуйста.

— Привет. А почему ты сама не позовешь?